

Огнем романтики

М А С Т Е Р А К У Л Ь Т У Р Ы

Василий Лановой — актер редкого сегодня на театре, но распространенного в жизни романтического темперамента. Традиции его искусства восходят к художникам высокого жара души, у которых накал страстей не разрушает четкой красоты артистического рисунка, а самое глубинное жизненное не уравнивает сцены и жизни, всегда сохраняя живописную театральность образов.

Артист Академического театра имени Вахтангова Василий Лановой верен заветам создателя этой сцены: слушать революцию, всегда быть в гуще гражданских устремлений эпохи, говорить о них языком театра, праздничного даже в годы трудностей, красочного даже в минуты суровых испытаний.

Но нет ли расхождения между утверждением, что романтический талант Ланового — редкое для современной сцены явление, и тем, что сама наша жизнь ежечасно дает примеры полной и яркой эмоциональной отдачи? Почему же происходит подобное расхождение? Не потому ли, что романтическая актерская интонация считается вроде бы старомодной, не соотносится с рациональным сегодняшним веком?

— Я думаю, что романтический тип мышления никогда не может быть старомодным, — говорит Василий Семенович. — Для меня романтика — не очи, возведенные к небу. Я бы присоединился к формуле поэта: чтобы увидеть романтическое, прекрасное, надо посмотреть вниз, на землю, на траву, цветы, на саму жизнь. Так понимаю и я романтизм. Как особое душевное состояние человека, безразличное к злу, равнодушное к несправедливости. Тот, кто пытается защищать обиженного, тот, кто кладет свои силы на борьбу за светлые идеалы, тот, кто воюет с недостатками, — для меня уже романтик. Душа его настроена на особый поэтический лад. Я не случайно употребил здесь слово поэзия. Романтика и поэзия неразрывны — так учит замечательная вахтанговская традиция.

— Воспитывают ли в совре-

менном актере это романтическое самочувствие?

— Мне повезло. Я видел Рубена Симонова в роли Сирано де Бержерака, видел Ивана Берсенева в этой же роли, видел Михаила Астангова, играющего Маттиаса Клаузена в пьесе «Перед заходом солнца». Это были великие романтические артисты, самым подробным, углубленным реалистическим способом игры рассказывающие о жизни. Сочетание романтического мироощущения с глубинным реалистическим постижением действительности — это и есть для меня идеал актера. Такой была и моя прекрасная учительница Мансурова. Я стремился взять от них, по возможности, этот огонь души, обжигающий души и в то же время освещающий правду жизни.

...Прошли годы, а мы, все те, кто видел фильм А. Алова и В. Наумова, где Лановой играл Павку Корчагина, накрепко, как и сам этот бессмертный роман, запомнили узкое, словно блестящий клинок сабли, лицо артиста, его горячие ясные глаза, над которыми, будто крылья, взлетали концы легендарной буденовки. Помним фанатическую веру его героя в свои силы, жертвенную радость первопродовцев, которые и саму смерть и саму трагедию почитали оптимистическими, потому что всей душой были устремлены в завтра.

Послевоенное время, когда вышел этот вариант фильма о Павке Корчагине, по-своему читало роман Николая Островского: подвиг военный уже был совершен, предстоял подвиг труда, восстановления разрушенного народного хозяйства. И когда увидели мы уже классическую теперь картину «Коммунист» Е. Габриловича и Ю. Райзмана и знаменитый ее эпизод, в котором вроде бы рядовой коммунист, (но сыгранный Е. Урбанским как былинно-собирающий образ), один, сцепив зубы, валит и валит деревья, нужные для топки паровоза, то вновь вспомнили Павку Корчагина Ланового. Они были духов-

ными побратимами, эти герои. Они стали духовными побратимами, и эти актеры.

Лановой умеет на глазах зрителя как бы копнуть темперамент, собирать внутренние силы, чтобы затем обрушить их и на своих противников, и на своих единомышленников, одних, сжигая огнем романтической веры в свой идеал, других, просветляя этой верой, приобщая их к своему идеалу. Так сыграл он роль председателя колхоза Сагадеева в вахтанговском спектакле «Тринадцатый председатель».

И еще одна роль — генерала Огнева в спектакле Театра им. Вахтангова «Фронт» А. Корнейчука. Пьеса эта шла во время войны почти на всех сценах страны, смело сталкивая полководцев типа генерала Горлова, успокоившихся на лаврах войны гражданской, и новых военачальников, которых представляет Огнев, глубоко образованный, чуждый анархии и зазнайству. Обычно на первый план в спектакле «Фронт» выходила мощная сатирическая фигура Горлова. Хотя в новой постановке Театра им. Вахтангова (режиссер Е. Симонов) роль эту во всю силу своего таланта играл Михаил Ульянов, Огнев Ланового тоже оказался поистине «на передовой» сценической действительности.

Романтическая актерская палитра характерна еще и тем,

что она, как античная театральная маска, одной своей стороной плачет, другой смеется.

Первым Калафом в «Принцессе Турандот», поставленной самим Вахтанговым, был замечательный артист Юрий Завадский, давший этому сказочному принцу свое прелестное изящество, высокий юмор и совершенное мастерство. Через годы в возобновленном Рубеном Симоновым спектакле роль Калафа, словно из рук самих Вахтангова и Завадского, получил Лановой. Он играет Калафа по-своему — весело-театрально и в то же время чуть грустно. Ведь принцу надо победить не только козни придворных, но и холодную красоту Турандот, завоевать капризную любовь ценой близкой смерти. И не стареет, каждый раз очаровывает вахтанговский дуэт Турандот — победной Юлии Борисовой и Калафа — романтического борца за правду даже и в сказке — Ланового.

Отдельная «страница» в творчестве Ланового — его голос, «орган», как называли когда-то голос актера на старой русской сцене. Да именно «орган» — его голос: в нем есть и органная величественная мощь и нежная грустная мягкость, и теплая человечность, и спокойная красота, и звонкая поэзия, и крепкая достоверность. Голос Ланового, как в годы Великой Отечественной «кованный» голос Левитана, особенно остро вошел в сознание современников, когда артист читал текст в многосерийном документальном фильме Романа Кармена «Великая Отечественная».

Военное детство, незабываемая память о светлых салютах Дня Победы, потрясающие документальные кадры последней ленты замечательного режиссера и оператора — все это слилось для актера в единое, ошущение — «нельзя было ни на грамм сфальшивить». Он и не мог сфальшивить — мальчик, увидевший страшное лицо войны, заставший его на растерзанной земле Украины, артист, сыграв-

ший Павку Корчагина. За работу над этим фильмом Василий Лановой был удостоен Ленинской премии.

Мы спросили актера, что он делает в эти дни.

— Репетирую роль Фабиано Фабиани в пьесе «Мария Тюдор» Гюго. Гюго — великий романтический писатель и великий реалист. Играть в его пьесе да еще с несравненной моей партнершей Юлией Борисовой — радость. Репетирую роль Ростанева в инсценировке Достоевского «Село Степанчиково» в постановке молодого режиссера А. Мекке. И еще снимаюсь в новом телесериале в шестнадцати частях «Священная война», который готовится к 40-летию Дня Победы.

«Счастливые встречи» — так назвал Василий Лановой свою книгу о жизни и творчестве, вышедшую в издательстве «Молодая гвардия». Удачное, емкое название для такой актерской, человеческой судьбы. И действительно, счастлившей оказалась встреча юности с театральной студией при Дворце культуры завода им. Лихачева. Это была не просто студия, пишет Лановой, это было «братство людей, объединенных одним, захватившим всех делом».

Счастливой встречей, определившей жизнь, было и училище им. Щукина, куда поступил юноша. Школа Вахтангова навсегда стала главной актерской студией будущего мастера.

Счастливой встречей стало для Ланового его обращение к поэзии, русской и западной классике, которую он как чтец исполняет на радио, телевидении, эстраде, продолжая и здесь реалистически-романтические традиции.

Рабочий день артиста состоит из серьезной общественной работы. Он — ректор Университета культуры Академии народного хозяйства СССР и отдается этому труду с душой, со страстью.

И почти каждодневно самые счастливые встречи — со зрителем.

Инна ВИШНЕВСКАЯ.
Фото М. Чернова.